

Ильина Е. Н. «Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора / Е. Н. Ильина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 226—242. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-226-242.

Ilyina, E. N. (2022). “Be Aware of Dogs!” in Context of Post-Folklore Linguistics. *Nauchnyi dialog*, 11(5): 226-242. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-226-242. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-226-242

«Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора

Ильина Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-1797-8959
доктор филологических наук
профессор
filfak@list.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
проект 20-012-00082
«Медиаобраз локальной устной
речевой культуры: когнитивные
и языковые механизмы»

“Be Aware of Dogs!” in Context of Post-Folklore Linguistics

Elena N. Ilyina
orcid.org/0000-0002-1797-8959
Doctor of Philology
Professor
filfak@list.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by the Russian
Foundation for Basic Research
project 20-012-00082
“Media Image of Local Oral
Speech Culture: Cognitive
and Linguistic Mechanisms”

© Ильина Е. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема анализа поликодовых текстов массовой коммуникации, функционирование которых определяется их коллективным авторством, а также активным варьированием их вербальных и невербальных составляющих при сохранении сюжетно-тематических, мотивных и персонажных характеристик, связанных с конкретными жанрами народного творчества. Актуальность подобных размышлений связана с тем, что в условиях развития интернет-коммуникаций традиции народного словесного творчества обретают новую жизнь, в том числе при поддержке технологических возможностей конвергентных медиа. В центре внимания данной работы корпус текстов, реализующих мотив запрета вхождения на некую территорию. Анализ поликодового контента в данной статье осуществляется в контексте размышлений о постфольклоре как особой сфере народного творчества современного человека, отличительных свойствах постфольклорных текстов и существующих в современной науке практик их лингвистического анализа. Показано, что тексты, обладающие характерными свойствами культуры постмодернизма (вторичность, прецедентность, ироничность, игровой модус) и сетевой культуры (мультимедийность, интертекстуальность и интерактивность), могут быть отнесены к сфере сетевого фольклора и проанализированы как интернет-мемы, которые продолжают традиции народных картинок, лубочных листов и иных форм креативных поликодовых текстов неавторской коммуникации.

Ключевые слова:

лингвофольклористика; лингвистика массовых коммуникаций; поликодовый текст; постфольклор; сетевой фольклор; интернет-мем.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the analysis of polycode texts of mass communication, the functioning of which is determined by their collective authorship, as well as the active variation of their verbal and non-verbal components, while maintaining the plot-thematic, motive and character characteristics associated with specific genres of folk art, is considered. The relevance of such reflections is due to the fact that in the context of the development of Internet communications, the traditions of folk verbal creativity are gaining new life, including with the support of the technological capabilities of convergent media. The focus of this work is a corpus of texts that implement the motive of the ban on entering a certain territory. The analysis of polycode content in this article is carried out in the context of reflections on post-folklore as a special area of folk art of modern man, the distinctive properties of post-folklore texts and the practices of their linguistic analysis existing in modern science. It is shown that texts that have the characteristic properties of postmodernism culture (secondary, precedent, irony, game mode) and network culture (multimedia, intertextuality and interactivity) can be attributed to the field of network folklore and analyzed as Internet memes that continue the traditions of folk pictures, popular prints and other forms of creative polycode texts of non-author's communication.

Key words:

linguo-folkloristics; linguistics of mass communications; polycode text; post-folklore; network folklore; internet meme.

«Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора

© Ильина Е. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Одну из актуальных проблем лингвистики массовых коммуникаций составляет определение методологических принципов и методических приемов анализа поликодовых интернет-текстов, прецедентную основу которых составляют произведения устного народного творчества, в том числе и промежуточных жанровых форм. В фокусе размышлений автора данной статьи оказался жанр *запрета*. Классифицируя его как «языковой (в определенной степени и фольклорный) жанр», Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая характеризуют запрет как жанр свободной структуры, обнаруживающий внутри себя два (*запрет — мотивировка*) или три (*запрет — мотивировка — предписание*) смысловых центра, выражающих потребности носителя традиционного сознания. Цель запрета заключается в «предотвращении угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний» [Виноградова и др., 1999, с. 270]. В основе запрета лежит система поверий, которые передаются из поколения в поколение, закрепляют правила поведения, нарушение которых затрагивает ценности традиционной картины мира, противоречит коллективной безопасности и может нанести вред нарушителю. Запрет как речевой жанр весьма широко представлен в массовой коммуникации. Наше внимание привлекли тексты, вербализующие запрет проникновения на территорию, охраняемую собаками. С одной стороны, такие тексты функционируют в бытовых ситуациях — наиболее известным речевым клише здесь может быть названо выражение «*Осторожно: злая собака!*». С другой стороны, в интернете бытует значительный по объему корпус текстов, эксплицирующих его базовые семантические компоненты — собственно запрет (*Вход запрещен; Стой!* и пр.) и мотивировку, связанную с наличием на этой территории *стража* («*собака на свободном выгуле*», «*злая собака, злой хозяин, злые дети, в общем, все злые*», «*хомяк-террорист*», «*собака злая, кот — debil, козёл с петухом — полные отморозки!*», «*злюкен собакен, яйки клац-клац*» и пр.). Большинство этих текстов совмещают в себе вербальные и изобразительные компоненты: они, как правило, живописуют собственно *стража* (фотографии и рисунки собак сторожевых пород, реже — других животных: крокодила, волка, различных представителей семейства кошачьих и пр. — преимуще-

шественно в позах проявления агрессии). «Вирусность» распространения подобного рода текстов в сети безотносительно к конкретной прагматической ситуации позволяет рассматривать их как *интернет-мемы* и рождает вопросы о том, в какой мере здесь проявляется коллективное творческое начало, можно ли говорить о принадлежности этих текстов к сфере пост-фольклора и, наконец, каким образом может быть осуществлен лингвистический анализ этих текстов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На язык фольклора обращали внимание уже основоположники отечественной фольклористики: Ф. И. Буслаев, исследовавший былинный слог в контексте идей мифологической школы, М. А. Колосов, обративший внимание на синтез общенациональных и локальных средств выражения фольклорной образности, А. А. Потебня, изучавший поэтику лирической песни в связи с обращением к проблемам народной ментальности, и др. Фольклористы более позднего времени: В. Я. Пропп, Д. С. Лихачёв, И. А. Оссовецкий и др. — положили начало системному изучению языка русского фольклора, что в итоге определило появление самостоятельного направления научного знания — *лингвофольклористики*. Её основными проблемами стали изучение языка фольклора в целом и отдельных его жанров, исследование специфики вербализации мотивов и образов народного творчества, формульной организации фольклорной речи, сочетания в ней традиционной, локальной и авторской / сказительской составляющих и пр. Российские научные центры лингвофольклористики: *московский*, сложившийся на основе трудов Н. И. Толстого и его последователей, *курский*, объединённый стараниями А. Т. Хроленко, *карельский*, основу которого определил З. К. Тарланов, *сибирский*, представленный работами И. В. Тубаловой, Ю. А. Эмер и др., а также многие другие — исследовали корпус фольклорных текстов, собранных в разные исторические периоды с помощью различных техник фиксации, и выявили особенности слова в фольклорном тексте. Это, во-первых, особый семантический объём, во-вторых, специфика фонетико-интонационной и грамматической структуры, в-третьих, особого рода синтагматика и парадигматика внутри народно-поэтических формул, наконец, функциональная направленность: слово здесь служит средством создания особой образности, эксплицирует фольклорную картину мира [Никитина, 1999; Хроленко, 2008 и др.]. Изменение условий бытования устного народного творчества в XX веке ставит перед учёными новые проблемы: фольклорная коммуникация, сочетающая в себе свойства реальной (естественной, контактной) и отображенной (художественной) коммуникации [Сердюк, 2009, с. 146], особым образом

трансформируется под воздействием изменений культурного контекста и под влиянием информационных технологий. В контексте изучения сетевого дискурса как специфического коммуникативного пространства, характеризующегося отсутствием ограничений во времени и в пространстве, равенством участников коммуникации с точки зрения их коммуникативных интересов и обращения к единому электронному ресурсу, сокращенностью дистанции между ними, быструю скорость коммуникации, особую диалогичность, предусматривающую мгновенный ответ в процессе общения, неограниченный доступ к использованию языковых и неязыковых средств кодирования информации [Асмус, 2005; Лутовинава, 2009 и др.], возникает проблема изучения постфольклора [Неклюдов, 1995], в том числе и «нового фольклора» в интернете, а также проблема применения по отношению к подобным текстам инструментов филологического анализа [Рукомойникова, 2004; Folk-art-net, 2007; Интернет и фольклор, 2009; Коллистратова, 2011; Радченко, 2011; Петренко, 2014; Ким, 2018; Душаква и др., 2020 и др.]. В последние десятилетия интернет-фольклор начинает восприниматься как самостоятельное, самобытное образование, генетически связанное с городской культурой в целом и городским фольклором, в частности, обладающее специфическим сетевым способом бытования, который определяет особенности как самих цифровых носителей, так и передаваемых с их помощью текстов, являющих собой единство вербальных, графических, аудиовизуальных знаков. Фольклор как форма существования традиционной культуры, актуализируясь в интернет-пространстве, позволяет сохранить единство культурных страт, позволяя современному человеку, с одной стороны, обращаться к традиционным фольклорным мотивам, образам и жанровым формам, а с другой — вписывать их уже в новый — информационный — уклад [Савченко и др., 2008].

Особого внимания заслуживают в этой связи поликодовые тексты, в том числе *интернет-мем* — продукт коллективного авторства, являющий собой комплекс смыслов, многократно воспроизводимый (тиражируемый) безотносительно к прагматической ситуации с установкой на развлечение адресата [Докинз, 2013; Щурина, 2012 и др.]. Рассматривая интернет-мем в контексте изучения типологических свойств сетевого фольклора: коллективности авторства, гибридного характера общения с опорой на устный способ передачи, поливариантности, связью с традициями, — исследователи обращают внимание на специфику этого жанра, относя его к малым жанровым формам (ср. также байки, пословицы, поговорки, анекдоты, сказки, поздравления и пр.), способным реализовываться в виде вербализованных текстов, изображений, иллюстраций с подписью, а также медиафайлов (видео- и аудиозаписей), характеризующихся краткостью и афористичностью, выполня-

ющих развлекательную, информационно-познавательную и эмоционально-экспрессивную функции [Кашина, 2013; Бережной, 2014; Борисова и др., 2021; Вознюк, 2012 и др.]. Ориентируясь на этот перечень свойств, можно сделать вывод, что в отличие от прагматически актуализированных сообщений (например, объявление «*Внимание! Объект охраняется собаками*», размещенное на входе в официальное учреждение) бытующий в интернете корпус текстов развлекательного характера о злой собаке («*Осторожно! Собака — злая, кот — дебил, а козел — ну полный отморозок!*», «*Ахтунг! Собака алабай, откусит балалай!*», «*Посторонним вход воспрещен — штраф одна нога!*» и др.) вполне подходит под это описание. Вирусная передача этого сообщения в интернете реализует, в первую очередь, установку на развлечение участников коммуникации, тогда как коммуникативная цель запрета здесь утрачивает свою прагматическую актуальность.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Тексты о злой собаке» в контексте обсуждения проблем коммуникативных и фольклорных жанров

Запрет как одна из составляющих класса директивных высказываний [Шмелева, 1991; Карасик, 2002 и др.], являясь ядром коммуникативного поля запрета [Руссинова, 2006], реализуется с помощью различных моделей, суть которых так или иначе сводится к попытке заставить адресата не совершать какое-либо действие. Интерпретация речевого жанра запрета включает в себя осмысление его иллокутивной природы, а также семантической, синтаксической и прагматической специфики. Так, Т. В. Шмелева, реализуя речеведческий подход к определению речевого жанра [Шмелева, 1997, с. 88—98], рассматривает речевую модель как единство коммуникативной цели (в данном случае — вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения), образы автора и адресата (автор находится в главенствующей позиции, запрет адресован любому предполагаемому адресату), образы прошлого и будущего (запрет налагается на совершение действия, возможного в будущем), тип диктумного (событийного) содержания (запрет может быть обусловлен гендерными, возрастными, социальными и пр. характеристиками субъекта действия, может быть связан с характером самого действия, его пространственно-временными характеристиками или показателями обусловленности), характер языкового воплощения, определяющий спектр потенциально возможных форм выражения содержания запрета, в том числе и метакомпонента (*запрещается, запрещено* и пр.) (см. также [Карасик, 2002; Дементьев, 2010 и др.]). Говоря о запрете *в фольклоре*, Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая рассматривают его либо как составной элемент других жан-

ров фольклорного эпоса (былины, сказки, легенды, былички, бывальщины и пр.), либо как самостоятельный фольклорный жанр, реализующий одну из древнейших функций мифологического сознания — запрещение совершать некое действие или комплекс действий, обусловленное необходимостью сохранения основ традиционной картины мира. Содержание запретов может быть любым, однако исследователи отмечают, что чаще всего они связаны с «пограничными» состояниями и событиями (*рождение, смерть, болезнь, вступление в брак* и пр.), а также с теми сферами деятельности человека, которые в наибольшей мере зависят, по народным представлениям, от потусторонних сил (*скотоводство, охота, строительство дома* и др.). Запрет налагается на совершение действия в определенное время (*ночью, в пост, во время грозы* и пр.), в определенном месте (*на кладбище, в доме, в бане* и пр.), людьми особых гендерных, возрастных, социальных характеристик (*женщинами, кровными родственниками, детьми* и пр.), по отношению к каким-либо животным или предметам (например, к *змею, к хлебу* и пр.), он может быть распространен как на реализацию действия (*роженице нельзя выходить из дома после заката*), так и на ословливание предметов и событий (*запрещено здороваться в доме, где находится покойник*) [Виноградова и др., 1999, с. 262—273]. Семантика, структура и типология запретов в фольклоре достаточно широко описаны в научной литературе [Чернов, 1967; Добровольская, 2005; Сидоренко, 2020 и др.]. Запрет маркирует отношения человека с природой, космосом и в значительной мере с потусторонним миром (умершими предками и нечистой силой), в этих отношениях весьма актуальны представления о *границе* и о *страже*, объектом охраны которой становится как «свой», так и «чужой» мир [Толстой, 1995, с. 537—540; Гура, 1997, с. 100 и др.]. *Собака*, будучи одним из древнейших хранителей пространства (как в сакральном, так и в бытовом, профанном смысле этого слова), достаточно часто появляется в фольклорных текстах, делея эту функцию то с фантастическими *чудовищами*, то с другими домашними обитателями: *котом, петухом* и пр.

3.1. «Осторожно: злая собака!» в культуре повседневности и в современном интернет-дискурсе

Анализируя корпус предостерегающих текстов «о собаке» в культуре повседневности, А. Ю. Котылев подчеркивает их древность (прототипы таких текстов фиксируются уже в Древнем Риме), вариативность формы при единстве содержания, считает их создание проявлением «массового изобразительного и словесного творчества, в основе которого лежит свободный выбор, особый вид доместикации животного и его использования, создание специфической формы презентации дома и его владельца внешнему миру» [Котылев, 2016, с. 57]. Подчеркивая утилитарность предостере-

регающих текстов в городском культурном пространстве, автор обращает внимание на то, что в последнее время предостерегающие тексты, как правило, имеют форму плаката, распечатанного из интернета на бумагу или иные, более долговечные носители информации [Там же, с. 58].

По материалам Национального корпуса русского языка [НКРЯ], сочетание «осторожно, злая собака», как правило, встречается в контекстах, определяющих его как надпись, плакат, табличку, содержащую в себе предостережение, предупреждение входящему на охраняемую территорию: *Одна из подобных надписей гласила просто «Осторожно, собака» (может, это и не нам вовсе предупреждение), другая — «Осторожно, злая собака, звоните» (но никаких признаков звонка поблизости не было замечено); Над воротами висел плакат: «Осторожно, злая собака».* Незначительны случаи употребления этой фразы в ином контексте: например, в качестве заголовка статьи, содержание которой так или иначе связано с собаками (например, в «Чебоксарских новостях» за 2019 год: *Осторожно, злая собака! Правительство России утвердило список потенциально опасных собак*; см. также: [Бамбурин и др., 2020]), при описании типичной обстановки провинциального города (*Малозэтажная застройка, частный сектор, осторожно, злая собака, виноград технического сорта «Изабелла» увивает стену до второго этажа ...* (Наталья Фомина), а также взаимоотношений между людьми: *А то иногда вывешивают табличку: «Осторожно — злая собака» и не указывают конкретно — кто ...»* (Иржи Грошек); *Под каким будем жить мы знаком: // «Осторожно, злая собака» // Или «Собака точка ру»? (slesarev).* Оставляя подобные высказывания за пределами нашего внимания, мы сосредоточимся на поликодовых текстах, бытующих в интернет-пространстве, реализующих развлекательную функцию безотносительно к ситуации охраны дома [АА].

В жанровом отношении исследуемые нами тексты могут быть определены как плакаты (постеры), вербальная и визуальная составляющие которых эксплицируют собственно запрет (*Осторожно! Внимание! Ахтунг! Посторонним вход воспрещён!*) и его мотивировку, называющую субъекта /-ов осуществления наказания (*собака хитрая, быстрая, опытная, агрессивная и злопамятная; злая собака, злой хозяин, злая хозяйка, злые дети, все злые-злые!; добрый пес, но со слабыми нервами; злюкен собакен; у меня 44 зуба и 4 лапы, а у вас?; собака — злая, кот — дебил, а козел — ну полный отморозок!; территорию охраняет бешеный кот и др.*), само наказание (*штраф — одна нога; если он тебя не загрызет, то я тебя застрелю; Обед с 12-00 до 13-00. Заходи — будет полдник; Гав-гав, кусь-кусь, ням-ням!; Кобель озабоченный, «любит» всех!»*) и его неотвратимость (*наш пес уже бежит до калитки; братишка, я жду тебя за забором!; цепь —*

китайская). Примеры подобного рода текстов, размещённых в открытых интернет-источниках, приводятся ниже (рис. 1, 2).

Рис. 1. Актуализация в меме образа субъекта осуществления наказания за нарушение запрета

Рис. 2. Вокативный предостерегающий сигнал как элемент мема

Разные смысловые центры жанра запрета реализуются в подобного рода текстах неодинаково. Само запрещённое действие вербализуется редко: в составе прецедентных высказываний (*посторонним вход воспрещён ...; войдѣшь без стука — вылетишь без звука!*), в ряду упоминаний о возможных, но нежелательных действиях (*стерегу ... от желающих залезть; не наступите; кричите громче — собака глухая* и др.). Чаще о запрете напоминают вокативные предостерегающие сигналы (*Осторожно! Внимание! Ахтунг!*), однако и они могут быть не вербализованы в сообщении, так как проявление осторожности здесь подразумевается как очевидная, наиболее ожидаемая реакция. В сфере мотивировки запрета значительно ярче проявляется творческое начало. Это касается иконической части: присутствуют многочисленные изображения животных, от которых исходит угроза, различных видов оружия, а также иных предметов, связанных с запретом проникновения на территорию: пограничных столбов, предметов военной униформы, заборов, колючей проволоки и пр. В вербальной части сообщений сосредоточено многообразие определений (*злая, хитрая, подлая тварь; собака хитрая, быстрая, опытная, агрессивная и злопамятная; бешеный кот; кобель озабоченный* и др.) и характеризующих описаний субъекта, охраняющего территорию (*собака алабай; супер-пёс; хомяк-террорист; кот — debil, а петух — ну полный отморозок; кот и петух вообще придулки* и др.), в том числе хозяина и членов его семьи (*осторожно: злая собака, а хозяин еще хуже; пока моя собака лает, я успею достать ружьё* и др.). Описательно могут быть выражены превосходство стража над своей жертвой в быстроте и поражающей силе (*я добежу до двери за 1 секунду, а ты?; у меня 44 зуба и 4 лапы, а у вас?; сильно кусает и быстро бегает; прививки не делает, ест что попало, давно мечтает реализовать себя* и др.), невозможность повлиять на поведение стража (*во дворе добрый пес, но со слабыми нервами; со-*

баки хитрые, быстрые, опытные, агрессивные, ремешки китайские и др.), разнообразие форм нанесения ущерба нарушителю запрета (посторонним вход воспрещен — штраф одна нога!; рву штаны и ягодицы; наша собака не кусает, она откусывает; кобель озабоченный, «любит» всех!; злюкен собакен, яйцен клац-клац!; собака без зубов — засосет до смерти!; гав-гав, кусь-кусь, ням-ням! и др.) и др.

В контенте достаточно редко, но тем не менее встречаются рифмованные четверостишия (см. рис. 1), вместе с тем большинство исследуемых текстов оформлено как достаточно краткие риторические восклицания (*Братишка, я жду тебя за забором!*; *Кричите громче, собака глухая!* и др.), реже — вопросы (*Я добегу до двери за 1 секунду, а ты?*; *У меня 44 зуба и 4 лапы, а у вас?*).

Для данного корпуса текстов типичны реализации следующих средств и приемов:

— **аллюзии**, отсылающей читателя к текстам народной и конфессиональной культуры (*Если мы вам мешаем, идите с миром!*), прецедентным текстам массовой коммуникации (*Ты заходи, если что, побегаешь!* на фоне изображения волка из мультфильма «Жил-был пёс»; *Я мзду не беру — просто беги!* — отсылка к диалогу Верещагина и Абдуллы из кинофильма «Белое солнце пустыни»), искаженной русской речи немецких солдат времен Второй мировой войны (*Ахтунг! Злюкен собакен, яйцен клац-клац!*), деловой речи (*Посторонним вход воспрещен — штраф одна нога!*; *Обед с 12-00 до 13-00. Заходи — будет полдник* и др.), обеспечивающей восприятие информации в определенном подтексте и столкновение смыслов в практике реализации развлекательной функции текста;

— **амплификации**, представляющей собой полный или градационный повтор речевых конструкций или слов (*Злая, хитрая, подлая тварь. Сильно кусает и быстро бегаёт. Собака хитрая, быстрая, опытная, агрессивная и злопамятная. Злые собаки, злые хозяйева, злые дети, а кот и петух вообще придурки! Собака — злая, кот — дебил, а козел — ну полный отморозок!*), эмоционально усиливающих обоснование запрета и идею неотвратимости наказания;

— **антитезы**, различных форм противопоставления свойств охраняющей дом собаки (*Во дворе добрый пес, но со слабыми нервами. Маленькая, но очень злая собака. Наша собака не кусает, она откусывает*), собаки и её хозяина (*Осторожно: злая собака, а хозяин еще хуже! Если он тебя не загрызет, то я тебя застрелю*), собаки и её потенциальной жертвы (*У меня 44 зуба и 4 лапы, а у вас? Я добегу до двери за 1 секунду, а ты?*), так выражается внутренний смысл опасности изображаемой ситуации для потенциального нарушителя границы;

— **иронии**, позволяющей воспринимать содержание высказывания в противоположном значении (*Осторожно, добрая собака* (нарисован пёс, душаций в объятиях человека). *Я рад вам, заходите! Очень люблю незнакомцев! Заходи, не бойся — выходи не весь! Заходи, порадуй собачку! Братишка, я жду тебя за забором! Научу бегать и прыгать. Ест всё, любит гостей. Давно мечтает реализовать себя* (рядом с изображением собаки));

— **эпитетов** (*Собака хитрая, быстрая, опытная, агрессивная и злопамятная. Осторожно: странная собака и кот непонятный! Территорию охраняет бешеный кот. Собаки хитрые, быстрые, опытные, агрессивные*);

— **метафор** (*Посторонним вход воспрещен — штраф одна нога! Во дворе злая собака, цепь — китайская*);

— **гипербол** (*Собака без зубов — засосет до смерти!*);

— **метонимических конструкций** (*Гав-гав, кусь-кусь, ням-ням!*);

— **перифразы** (*Нарушителя дверей поджидает царь зверей. Злая собака. Кот также не внушает доверия*);

— **вульгаризмов и эвфемизмов** (*Собака — злая, кот — дебил, а козел — ну полный отморозок! Кобель озабоченный, «любит» всех! Собака алабай, откусит балалай!*), актуализирующих агрессивно-криминальный, сексуальный и пр. подтексты в восприятии содержания высказывания.

Все эти изобразительные средства, с одной стороны, в целом свойственны текстам плаката и комикса [Магера, 2005; Нефедова, 2010; Ворошилова, 2013 и др.], а с другой стороны, типично используются для реализации комической функции текста [Дземидок, 1974; Панина, 1996; Капацинская, 2004; Коншина, 2006; Рюмина, 2011; Карасик, 2018 и др.], в том числе и в народной смеховой культуре [Лихачев и др., 1976; Рыбаков, 1981; Бахтин, 1990; Пропп, 1997; Пешкова, 2004 и др.], что соответствует новой, развлекательной функции создания и распространения таких текстов.

4. Заключение = Conclusions

По мнению В. П. Аникина, «фольклор — это традиционное художественное творчество народа. Оно равно относится как к устному, словесному, так и иному изобразительному искусству, как к старинному творчеству, так и к новому, созданному в новое время и творимому в наши дни» [Аникин, 2001, с. 12]. Такое определение одного из сложнейших понятий филологической науки дает возможность воспринимать народное творчество в динамике, следить за развитием его новых форм, отражающих специфику бытовой и духовной культуры человечества. Осовремененные формы существования фольклора в эпоху интернета составляют специфическую область народного творчества, которая при наличии традицион-

но выделяемых для фольклора свойств (устноречевая форма бытования, безличность, вариативность, полифункциональность, традиционность и синкретизм) имеет отличительные черты поэтики, собственных носителей — пользователей глобальной информационной сети, технологические свойства которой во многом определяют специфику распространения текстов сетевого творчества в виртуальной среде, их интерактивность, разнообразие прецедентной основы и интертекстуальных связей, поликодовость с существенной значимостью визуальной составляющей (фото, коллажи, видео, gif-анимация и др.).

«Тексты о злой собаке», реализуя традиционный коммуникативно-речевой жанр запрета, существуют в ситуации бытового дискурса, репрезентируя смыслы традиционной (преимущественно городской) культуры охраны частных и подведомственных территорий. Однако наблюдается тенденция к порождению таких текстов с целью развлечения и к их вирусному распространению в интернет-среде в качестве интернет-мемов. Анализ таких текстов даёт возможность убедиться в том, что их структура, система мотивов и образов, а также комплекс используемых стилистических средств, с одной стороны, продолжают традиции существования фольклорного жанра запрета, а с другой, реализуют народно-поэтические традиции смеховой культуры в визуализированных формах современной массовой коммуникации.

Источники

АА — *Архив* автора, сформированный на материале интернет-ресурсов: «Осторожно, злая собака!» — 29 страшных-пугающих предупреждений. — Режим доступа : <http://wowow.life/ostorozhno-zlaya-sobaka.html>; Прикольные таблички: Осторожно злая собака. — Режим доступа : <http://www.shmyandeks.ru/prikolnye-tablichki-ostorozhno-zlaya-sobaka/>; Прикольные таблички на забор. — Режим доступа : <https://svoizabor.ru/otdelka/tablichki-na-zabor-zlaya-sobaka.html>; Прикольные таблички про собак. — Режим доступа : <https://yavitrina.ru/prikolnye-tablichki-pro-sobak>; Таблички «Злая собака». — Режим доступа : <https://printfiles.ru/raspechatat/tablichki-zlaya-sobaka/>; Таблички «Осторожно, злая собака». — Режим доступа : <https://xn8sdbbjhyarifxb3d5duc.xn--p1ai/tablichki-ostorozhno-zlaja-sobaka.php>; Таблички с собаками. — Режим доступа : <http://master28.ru/zagruzki/tablichki-ssobakami/>; 19 убойных табличек, предупреждающих от злых собак. — Режим доступа : <https://umoritelno.com/1036961247816584096/19-ubojnyh-tablichek-predosteregayuschih-ot-zlyh-sobak/> и др.

Литература

1. *Аникин В. П.* Русское устное народное творчество : учебник для вузов / В. П. Аникин. — Москва : Высшая школа, 2001. — 726 с. — ISBN 978-5-06-006139-0.
2. *Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. Г. Асмус. — Челябинск, 2005. — 266 с.

3. *Бамбури* С. О. САРНОСЦУПНАГА САНИМОРСУС ИЛИ “ОСТОРОЖНО : ЗЛАЯ СОБАКА!” / С. О. Бамбури, В. А. Зуева // *Forcipe*. — 2020. — Т. 3. — № S1. — С. 456—457.
4. *Бахтин* М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с. — ISBN 5-280-00710-2.
5. *Бережной* В. А. Интернет-мем и анекдот : к постановке проблемы / В. А. Бережной // *Вестник Запорожского национального университета*. — 2014. — № 1. — С. 135—143.
6. *Борисова* И. М. К вопросу о мемах как жанре современного фольклора / И. М. Борисова, С. Д. Васькина // *Современные аспекты филологических исследований : сборник научных трудов*. — Оренбург : ОГУ, 2021. — С. 32—36. — ISBN 978-5-7410-2566-6.
7. *Виноградова* Л. Н. Запреты (табу) / Л. Н. Виноградова, С. М. Тостая // *Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого*. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. — С. 269—273. — ISBN 5-7133-1207-0.
8. *Вознюк* К. Мемы в рекламе и брендинге [Электронный ресурс] / К. Вознюк. — 2012. — Режим доступа : <http://www.sostav.ru/news/2012/12/29/тему/> (дата обращения 21.05.2022).
9. *Ворошилова* М. Б. Политический креолизованный текст : ключи к прочтению : монография / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 194 с. — ISBN 978-5-7186-0543-3.
10. *Гура* А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с. — ISBN 5-85759-056-6.
11. *Дементьев* В. В. Теория речевых жанров : монография / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2010. — 600 с. — ISBN 978-5-9551-0409-6.
12. *Дземидок* Б. О комическом : монография / Б. Дземидок. — Москва : Прогресс, 1974. — 223 с.
13. *Добровольская* В. Е. Магические запреты и предписания в сфере регулярной трудовой деятельности сельского населения Северной и Центральной России / В. Е. Добровольская // *Palaeoslavica*. — 2005. — Vol. 13. — № 1. — С. 243—259.
14. *Докинз* Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. — Москва : Соргус, 2013. — 512 с. — ISBN 978-5-17-07772-3.
15. *Душакова* И. С. Сегодня мы с братьями Гримм не договорились бы о предметном поле : к вопросу о подвижных границах фольклористики / И. С. Душакова, С. Ю. Неклюдов // *Фольклор : структура, типология, семиотика*. — 2020. — Т. 3 (2). — С. 10—14.
16. *Интернет* и фольклор. — Москва : ГРЦРФ, 2009. — 320 с. — ISBN 5-86132-068-3.
17. *Капацкая* В. М. Комический текст : монография / В. М. Капацкая. — Нижний Новгород : НФ УРАО, 2004. — 118 с. — ISBN 5-7565-0061-8.
18. *Карасик* В. И. Алгоритмы построения комических текстов / В. И. Карасик // *Вестник РУДН. Серия : Лингвистика*. — 2018. — № 4. — С. 895—917. — DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.
19. *Карасик* В. И. Язык социального статуса : монография / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2002. — 333 с. — ISBN 5-94244-008-5.
20. *Кашина* С. В. Мем как единица передачи культурной информации языковыми и неязыковыми средствами / С. В. Кашина // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. — 2013. — № 20 (680). — С. 243—249.
21. *Ким* Л. Р. Изучение русской сетевой литературы фольклористическими методами : к постановке проблемы / Л. Р. Ким // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2018. — № 2 (80). — С. 232—236.

22. *Колистратова А. В.* Эпоха постмодерна и фольклор : отсутствие субъекта высказывания / А. В. Колистратова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — 2011. — № 2 (9). — С. 88—90.

23. *Коншина С. Г.* Комический текст в аспекте его структурирования и понимания : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Г. Коншина. — Москва, 2006. — 195 с.

24. *Котылев А. Ю.* Табличка “Осторожно, злая собака” в современном городском пространстве / А. Ю. Котылев // *Человек. Культура. Образование.* — 2016. — № 4. — С. 56—63.

25. *Лихачёв Д. С.* «Смеховой мир» Древней Руси : монография. — Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко. — Москва : Наука, 1976. — 213 с.

26. *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / О. В. Лутовинова. — Волгоград, 2009. — 519 с.

27. *Магера Т. С.* Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. С. Магера. — Барнаул, 2005. — 167 с.

28. *Неклюдов С. Ю.* После фольклора / С. Ю. Неклюдов // *Живая старина.* — 1995. — № 1. — С. 2—4.

29. *Нефедова Л. А.* Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста / Л. А. Нефедова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика».* — 2010. — № 10. — № 1 (177). — С. 4—10.

30. *Никитина С. Е.* Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / С. Е. Никитина. — Москва, 1999. — 46 с.

31. *Панина М. А.* Комическое и языковые средства его выражения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. А. Панина. — Москва, 1996. — 144 с.

32. *Петренко С. Н.* Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы / С. Н. Петренко // *Известия ВГПУ. Актуальные проблемы литературоведения.* — 2014. — № 2 (87). — С. 145—149.

33. *Пешкова А. В.* Русская смеховая культура (Истоки и становление (XI—XVIII вв.)) : диссертация ... кандидата культурных наук : 24.00.01 / А. В. Пешкова. — Москва, 2004. — 127 с.

34. *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха : монография / В. Я. Пропп. — Санкт-Петербург : Алетей, 1997. — 386 с. — ISBN 5-89329-051-8.

35. *Радченко Д. А.* Сетевой фольклор : перспективы исследования / Д. А. Радченко // *Славянская традиционная культура и современный мир : сборник научных статей.* — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. — С. 417—427.

36. *Рукомойникова В. П.* «Виртуальный» фольклор в контексте народной смеховой культуры : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / В. П. Рукомойникова. — Йошкар-Ола, 2004. — 220 с.

37. *Руссинова Т. В.* Особенности функционирования запрета (на материале русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. В. Руссинова. — Саратов, 2006. — 219 с.

38. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян : монография / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1981. — 406 с.

39. *Рюмина М. Т.* Эстетика Смеха : Смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. — Москва : Либроком, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-397-01130-3.

40. Савченко А. В. Философско-антропологические основания Интернет-фольклора как формы коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Савченко, Т. И. Суслова // Credo New. — 2008. — № 4. — Режим доступа : http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2008/3036-filosofsko-antropologicheskie.html (дата обращения 19.05.2022).
41. Сердюк М. А. Традиционный фольклорный текст в системе координат «Адресант ↔ Адресат» / М. А. Сердюк // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — Выпуск 4 (72). — С. 145—147.
42. Сидоренко А. В. Запрет в системе речевых и фольклорных жанров / А. В. Сидоренко // Жанры речи. — 2020. — № 2 (26). — С. 100—109. — DOI: 10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109.
43. Толстой Н. И. Граница / Н. И. Толстой // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. — С. 537—540.
44. Хроленко А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. — Курск : Издательство КГУ, 2008. — 231 с. — ISBN 978-5-88313-642-8.
45. Чернов И. А. О семиотике запретов / И. А. Чернов // Труды по знаковым системам. — 1967. — Выпуск 3. — С. 45—59.
46. Шмелева Т. В. Речевые жанры / Т. В. Шмелева // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник : Проспект / Под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : [б. и.], 1991. — С. 89—91.
47. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — 1997. — № 1. — С. 88—98.
48. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 161—173.
49. *Folk-art-net* : новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности : сборник статей. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. — 200 с. — ISBN 5-86132-057-1.

Material resources

AA — *Author's archive*. (In Russ.).

References

- Anikin, V. P. (2001). *Russian oral folk art: textbook for universities*. Moscow: Higher School. 726 p. ISBN 978-5-06-006139-0. (In Russ.).
- Asmus, N. G. (2005). *Linguistic features of virtual communicative space*. PhD Diss. Chelyabinsk. 266 p. (In Russ.).
- Bamburin, S. O., Zueva, V. A. (2020). CAPNOCYTOPHAGA CANIMORSUS OR “CAUTION: AN EVIL DOG!”. *Forcipe*, 3 (SI): 456—457. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1990). *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Fiction. 543 p. ISBN 5-280-00710-2. (In Russ.).
- Berezhnoy, V. A. (2014). Internet meme and anecdote: to the formulation of the problem. *Bulletin of the Zaporozhye National University*, 1: 135—143. (In Russ.).
- Borisova, I. M., Vaskina, S. D. (2021). On the question of memes as a genre of modern folklore. In: *Modern aspects of philological research: a collection of scientific papers*. Orenburg: OSU. 32—36. ISBN 978-5-7410-2566-6. (In Russ.).
- Chernov, I. A. (1967). On the semiotics of prohibitions. *Works on sign systems*, 3: 45—59. (In Russ.).

- Dawkins, R. (2013). *Selfish gene*. Moscow: Corpus. 512 p. ISBN 978-5-17-077772-3. (In Russ.).
- Dementyev, V. V. (2010). *Theory of speech genres: monograph*. Moscow: Znak. 600 p. ISBN 978-5-9551-0409-6. (In Russ.).
- Dobrovolskaya, V. E. (2005). Magical prohibitions and regulations in the sphere of regular labor activity of rural population of Northern and Central Russia. *Palaeoslavica, 13 (1)*: 243—259. (In Russ.).
- Dushakova, I. S., Neklyudov, S. Yu. (2020). Today the brothers Grimm and I would not agree on the subject field: on the question of the movable boundaries of folklore studies. *Folklore: structure, typology, semiotics, 3 (2)*: 10—14. (In Russ.).
- Dzemidok, B. (1974). *About the comic: a monograph*. Moscow: Progress. 223 p. (In Russ.).
- Folk-art-net: new horizons of creativity. From tradition to virtuality: a collection of articles*. (2007). Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 200 p. ISBN 5-86132-057-1. (In Russ.).
- Gura, A. V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik. 912 p. ISBN 5-85759-056-6. (In Russ.).
- Internet and folklore*. (2009). Moscow: GRCRF. 320 p. ISBN 5-86132-068-3. (In Russ.).
- Kapatsinskaya, V. M. (2004). *Comic text: monograph*. Nizhny Novgorod: SF URAO. 118 p. ISBN 5-7565-0061-8. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language of social status: monograph*. Moscow: Gnosis. 333 p. ISBN 5-94244-008-5. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2018). Algorithms for constructing comic texts. *Bulletin of the RUDN. Series: Linguistics, 4*: 895—917. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918. (In Russ.).
- Kashina, S. V. (2013). Meme as a unit of cultural information transmission by linguistic and non-linguistic means. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 20 (680)*: 243—249. (In Russ.).
- Khrolenko, A. T. (2008). *Linguofolcloristics. Flipping through the years and pages*. Kursk: KSU Publishing House. 231 p. ISBN 978-5-88313-642-8. (In Russ.).
- Kim, L. R. (2018). The study of Russian network literature by folkloristic methods: to the formulation of the problem. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 2 (80)*: 232—236. (In Russ.).
- Kolistratova, A. V. (2011). The postmodern era and folklore: the absence of the subject of utterance. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 2 (9)*: 88—90. (In Russ.).
- Konshina, S. G. (2006). *Comic text in the aspect of its structuring and understanding*. PhD Diss. Moscow. 195 p. (In Russ.).
- Kotylev, A. Yu. (2016). The sign “Beware, the evil dog” in the modern urban space. *Man. Culture. Education, 4*: 56—63. (In Russ.).
- Likhachev, D. S., Panchenko, A. M. (1976). *“The Laughing World” of Ancient Russia: a monograph*. Moscow: Nauka. 213 p. (In Russ.).
- Lutovinova, O. V. (2009). *Linguoculturological characteristics of virtual discourse*. Doct. Diss. Volgograd. 519 p. (In Russ.).
- Magera, T. S. (2005). *Text of a political poster: linguistic modeling (based on the material of regional election posters)*. PhD Diss. Barnaul. 167 p. (In Russ.).
- Nefedova, L. A. (2010). Cognitive features of comics as a creolized text. *Bulletin of SUSU. Series “Linguistics”, 10 / 1 (177)*: 4—10. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1995). After folklore. *Zhivaya starina, 1*: 2—4. (In Russ.).
- Nikitina, S. E. (1999). *Cultural and linguistic picture of the world in thesaurus description*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 46 p. (In Russ.).

- Panina, M. A. (1996). *Comic and linguistic means of its expression*. PhD Diss. Moscow. 144 p. (In Russ.).
- Peshkova, A. V. (2004). *Russian laughing culture (Origins and formation (XI—XVIII centuries))*. PhD Diss. Moscow. 127 p. (In Russ.).
- Petrenko, S. N. (2014). Genre traditions of post-folklore in the poetics of modern Russian literature. *News of the VSPU. Actual problems of literary criticism*, 2 (87): 145—149. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1997). *Problems of comedy and laughter: monograph*. St. Petersburg: Aleteya. 386 p. ISBN 5-89329-051-8. (In Russ.).
- Radchenko, D. A. (2011). Network folklore: prospects of research. In: *Slavic traditional culture and the modern world: a collection of scientific articles*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 417—427. (In Russ.).
- Rukomoinikova, V. P. (2004). “Virtual” folklore in the context of folk laughter culture. PhD Diss. Yoshkar-Ola. 220 p. (In Russ.).
- Russinova, T. V. (2006). *Features of the functioning of the ban (based on the material of the Russian and English languages)*. PhD Diss. Saratov. 219 p. (In Russ.).
- Rybakov, B. A. (1981). *Paganism of the ancient Slavs: monograph*. Moscow: Nauka. 406 p. (In Russ.).
- Ryumina, M. T. (2011). *Aesthetics of Laughter: Laughter as virtual reality*. Moscow: Librocom. 320 p. ISBN 978-5-397-01130-3. (In Russ.).
- Savchenko, A. V., Suslova, T. I. (2008). *Form of communication*, 4. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2008/3036-filosofsko-antropologicheskie.html (accessed 19.05.2022). (In Russ.).
- Serdyuk, M. A. (2009). Traditional folklore text in the system coordinates “Addressee ↔ Addressee”. *Bulletin of Tomsk State University*, 4 (72): 145—147. (In Russ.).
- Shchurina, Yu. V. (2012). Internet memes as a phenomenon of Internet communication. *Nauchnyi dialog*, 3: 161—173. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1991). Speech genres. In: *Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference: Prospect*. Krasnoyarsk: [b. i.]. 89—91. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. *Genres of speech*, 1: 88—98. (In Russ.).
- Sidorenko, A. V. (2020). Prohibition in the system of speech and folklore genres. *Genres of speech*, 2 (26): 100—109. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (1995). Border. In: *Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes*, 1. Moscow: International Relations. 537—540. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N., Tostaya, S. M. (1999). Prohibitions (taboos). In: *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes*, 2. Moscow: International Relations. 269—273. ISBN 5-7133-1207-0. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2013). *Political creolized text: keys to reading: monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 194 p. ISBN 978-5-7186-0543-3. (In Russ.).
- Voznyuk, K. (2012). *Memes in advertising and branding*. Available at: <http://www.sostav.ru/news/2012/12/29/memy/> (accessed 21.05.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.03.2022,
одобрена после рецензирования 01.06.2022,
подготовлена к публикации 13.06.2022.